

1844... июля 18

Слава тебе, господи! Вот и каникулы! Вот, наконец, я и дома... Да! Нужно, подобно мне, позубрить круглый год уроки, ежедневно, - да еще два раза в день, - за исключением, разумеется, праздников, - промерить от квартиры до семинарии версты четыре или более; потом в душной комнате, в кружке шести человек товарищей, подчас в дыму тютюна, погнуться до полночи над запачканною тетрадкой или истрепанною книгой, подтвердить греческий и латинский языки, геометрию, герменевтику, философию и прочее и прочее и после броситься с досадою на жесткую постель и заснуть с тощим желудком, оттого что какие-нибудь там жиденские, сваренные с свиным салом щи пролиты на пол пьяною хозяйкою дома, - нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобы оценить всю прелесть теплого, гостеприимного, родного уголка... Ух! Дай потянусь на этом кожаном стуле, в этой горенке с окнами, выходящими в веленый, обрызганный росой, сад, в этом раю, где я сам большой, сам старшой, где имеет право прикрикнуть на меня только один мой добрый батюшка... А право, здесь настоящий рай: тихо, светло. Из сада пахнет травою и цветами; на яблонях чирикают воробьи; у ног моих мурлычет мой старый знакомец, серый кот. Яркое солнце смотрит сквозь стекло и золотым снопом упирается в чисто вымытую и выскребенную ножом сосновую дверь. Батюшка мой такой тихий, такой незлопамятный! Если ж случается мне что-нибудь набедокурить, он покачает головою, сделает легкий упрек - и только. Между тем, странное дело! я так боюсь его оскорбить... А вот, помню я, был у нас учитель во втором классе училища, Алексей Степаныч, коренастый, с черными нахмуренными бровями и такой рябой и корявый, что смотреть скверно. Вызовет он, бывало, тебя на средину класса и крикнет: "Читай!" А из глаз его так и сверкают молнии. Взглянешь на него украдкой и начнешь изменяться в лице, в голове пойдет путаница, и все вокруг тебя заходит: и ученики, и учитель, и стены - просто диво! И понесешь такую дичь, что после самому станет стыдно. "Не знаешь, мерзавец! - зарычит учитель, - к порогу!.." И начнется, бывало, жаркая баня... Что ж вы думаете? Попадались такие ученики, которые, не жалея своей кожи, находили непонятное удовольствие бесить своего наставника. Бывало, иной ляжет под розги, закусит до крови свой палец - и молчит. Его секут, а он молчит. Его секут еще больше, а он все молчит.

Алексей Степаныч смотрит и со зла чуть не рвет на себе волосы... Да мало ли что случалось! Однажды ученик делал деление и до того спутался, что никак не мог решить задачи. Стоит бедняжка у доски, лицо покраснелось, по щекам текут слезы, нос выпачкан мелом, руки и правая лапа сюртука тоже в мелу. Алексей Степаныч злится, не приведи господи! "Ну, говорит, что ж ты!.., решай!.." И вдруг повернулся направо. "Богородицкий! как ты об этом думаешь?" Богородицкий вскочил со скамьи, вытянул руки по швам и, вспомнив, что в катехизисе есть подобный вопрос с надлежащим к нему ответом, громогласно и нараспев отвечал: "Я думаю и рассуждаю об этом так, как повелевает мать наша церковь". Мы все переглянулись, однако ж засмеяться никто не посмел. Алексей Степаныч плюнул ему в глаза и крикнул: "На колени!" Ну, в семинарии у нас совсем не то: розги почти совсем устранены, а если и употребляются в дело, так это уж за что-нибудь особенное. Наставники обращаются с нами на вы, к чему я долго не мог привыкнуть. Оно в самом деле странно: профессор, магистр духовной академии, человек, который бог знает чего не прочитал и не изучил, обращается, например, ко мне или к моему товарищу, сыну какого-нибудь пономаря или дьячка, и говорит: "Прочтите лекцию". Долго я не мог к этому привыкнуть. Теперь ничего. И мне становится уже неприятно, иногда и вовсе обидно, если кто-либо говорит мне ты; в этом ты я вижу к себе некоторое пренебрежение. Замечу кстати: мне необходимо привыкать к вежливости, или, как говорит мой приятель Яблочкин, к Порядочности (Яблочкин необыкновенно даровит, жаль только, что он помешался на чтении какого-то Белинского и вообще на чтении разных светских книг). Батюшка сказал, что с первых чисел сентября я буду жить в квартире одного из наших профессоров с тою целию, чтобы он имел непосредственное наблюдение за моим поведением, следил за моими занятиями и, где нужно, помогал мне своими советами. Этот надзор, мне кажется, решительно во всем